

М. ГОРЬКИЙ

ГОРОД ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА

Над океаном и землею висел туман, густо смешанный с дымом, мелкий дождь лениво падал на темные здания города и мутную воду рейда. У бортов парохода собрались эмигранты, молча глядя на все вокруг пыльными глазами надежды и опасений, страха и радости.

— Это кто? — тихо спросила девушка полька, измученно указывая на статую Свободы. Кто-то ответил: — Американский бог...

Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зеленой охрой. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в дупло океана, точно бронза дует солона, чтобы оно ожило и ее мертвые глаза. Она кажется поднявшейся из океана, неведомая се — как застывшие волны. Ее рука, высоко поднятая над океаном в матами суев, приподнимает гордые вежды и красоту. Кажется — вот факел в крепко сжатых пальцах ярко вспыхнет, разгонит серый дым и щедро обдует все кругом горячим, радостным светом.

А кругом ничтожного куса земли, на котором она стоит, скользя по воде океана, как допотопные суда, мелькают, точно голые хищники, маленькие катера. Ревут сирены, подобно голосам сказочных гиттар, раздаются сердитые свисты, гремят пещи якорей, сурово плещут волны океана.

Все вокруг бежит, стремится, выражает напряжение. Винты и колеса пароходов торжественно бьют воду — она покрыта желтой пеной, изрезана морщинами.

Кажется, что все — железо, камин, вода, дерево — кожно протиснуто против жизни без солнца, без песни и счастья, в плену тяжелого труда. Все стоит, вост, сжесточен, повинуясь воле какой-то тайной силы, враждебной человеку. Повсюду на грун воды, изрытой и разорванной железом, запятой жидкими пятнами нефти, засоренной щепками и отрубками, соломой и остатками пищи — работает невидимая глазами холодная и злая сила. Она сурово и однообразно дает толчки всей этой необъятной машине, в ней корабль и доки — только маленькие части, а человек — ничтожный винт, невидимая точка среди уродливых, грязных сплетений железа, дерева, в хаосе судов, доков и каменных плоскостей барок, нагроуленных вагонами.

Ошеломленное, охваченное от шума, залеренное этой пыльной мертвой материи, двойное существо, все в черной копоти и масле, странно смотрит на мир, снуя руки в карманы штанов. Оно же замасло густым налетом жирной грязи, и не глаза живого человека сверкают на нем, а белая кость зубов.

Меленно ползет судно среди толпы других судов. Лица эмигрантов стали странно серы, опущены, что-то однообразно-овечье покрыло все глаза. Люди стоят у бортов и безмолвно смотрят в туман.

А в нем рождается, растет нечто неопределимое, острое, некое гуло ропота, оно дышит навстречу людям тяжелым, пахучим дыханием, и в нем же его слышно что-то грозное, жадное.

Это — город, это — Нью-Йорк. На берегу стоит двадцатитиэтажный дом, безмолвный и темный скрепленный небом. Квадратные, лишние желания быть красивыми, туго, тяжелые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надрывная кипучесть своего высшего, своего уродства. В окнах нет цветов и не видно детей...

Издаль город кажется огромной чернотой, с неровными черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и копоти, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в город, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа. В желудок, который проглотил некое мучительное людей и растительное, переваривает их.

Улица — скелетное, алчное горло; по нему куда-то влуде плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой живет, грохочет, торжествует свои победы, желает. Вызывает к жизни силу Золота, ошеломленное оно окружает человека своей пыльной, глущей его, соест кровь и мозг, похитает мускулы и нервы и растет, растет, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая змея своей щепи.

Как огромные черви ползут locomotives, вата за собою вагоны, клячат, подобно жирным уткам, рыжии автомобили, угрюмо вост электричество. — дупный воздух наплен, точно губка ватой, тысячами ревущих звуков. Приваленный к этому грязному городу, непонятный дымом фабрик, он непонятен среди высоких стен, покрытых копотью.

На площадях и в маленьких скверах, где пыльные листья деревьев мертво висят на ветках, — возмущаются темные монументы. Их лица покрыты толстым слоем грязи, глаза их, когда-то горевшие любовью и родине, засыпаны пылью города. Эти бронзовые люди мертвы и одиноки в сетях многоэтажных домов, они кажутся карликами в черной тени высоких стен, они задушены в хаосе безумия вокруг них, остановались и, полусонные, грустно, с болью в сердце смотрят на каждую суету людей у

балконе дом из щепи. Он развалился от сотрясения. Дети хватают маленькими лапами тонкие щепы, чтобы они не упали на улицу сквозь отверстия в решетке балкона. — и тоже не смотрят на причину, помещавшую их в задуше. Еще и еще лица, одно за другим, мелькают в окнах, точно ослепки чего-то одного — большого, но разбитого в ничтожные пылинки, растертого в дребну.

Тонкий бенный бегм вагонов, воздух развевает платье и волосы людей, бьет им в лицо теплой, душной волной, толкает, вгоняет им в уши тысячи звуков, бросает в глаза мелкую, едкую пыль, слепит, ослепляет, протыкает, непрерывно выходящим звуком.

Живому человеку, который мыслит, создается в своем мозгу мечты, картины, образы, роит желания, тоскует, хочет, отшатывает, жет, — живому человеку этот дикий вой, визг, рев, эта дрожь камня стен, тусклый перебои стекла в окнах — все это ему мелепо бы. Воображенный, он вышел бы из дома и сбегал, разрушил эту мерзость — «воздушную дорогу»; он заставил бы замолчать нахальный вой железа, он — хозяин жизни, жизнь — для него и все, что ему мешает жить — должно быть уничтожено.

Люди в домах города Желтого Дьявола спокойно переносят все, что убивает человека.

Визгу, под железной сетью «воздушной дороги», в пыли и грязи мостовых, безмолвно возмущает, — безмолвно, хотя они смеются и кричат, как дети своего мира, но голоса их тонут в грохоте над ними, точно капли дождя в море. Они кажутся цветами, которые чья-то грубая рука выбросила из окон домов в грязь улицы. Питая свои тела жирными испарениями города, они бедны и жалки, кровь их отравлена, нервы раздражены зловонным рыком плавающего металла, угрюмым воем паровозных машин.

Разве из этих щелей вырастут здоровые, смеющиеся, гордые люди? — спрашиваешь себя. В ответ огорошенно скрежет, колот, злой визг. Вагоны несется мимо Нет-Сайда, квартала бедных, комопостной ямы города. Глубокие канавы улиц, ведающие людей куда-то в глубины города, где — представляется уму — устроена огромная, бездонная дыра — котел или кастрюля, — туда стекаются все эти люди, и там из них вываривают золото. Канавы улиц кишат детьми.

Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горячие жаждой, хитрые и метельные или рабски покорные и всегда печеловеческие, я всюду видел, но ужаснищеты Нет-Сайда — мрачнее всего, что я знаю.

В этих улицах, набитых людьми, точно мешки крупы, дети жадно нычут в корыбки с мусором, стоящие у падеи, загнившие овощи и пожирают их вместе с плесенью тут же, в одной пыли и духоте.

Когда они находят корку загнившего хлеба, она возбуждает среди них дикий восторг; охваченные желанием проглотить ее, они дерутся, как маленькие собачки. Они покрывают мостовые стаями, точно прожорливые голуби; в час ночи, в два и позднее — они все еще роются в грязи, жалкие микробы нищеты, живые упреки жаждности богатых рабов Желтого Дьявола.

На ухах грязных улиц стоят как-то нечли или жаровни, в них то что варится, пар, вырывается по тонкой трубке на воздух, свистит в маленький свисток на конце ее. Тонкий, режущий ухо свист прорывает своим дрожащим острым воем звуки улиц, он тишеет бесконечно, как ослепительно белая, холодная нить, он закручивается вокруг горла, путает мысли в голове, бежит, гонит куда-то и, не смывая на секунду, дожигает взглядом запахи, покрывающим воздух, кроит наметанно, злобно пронизывая эту жизнь в грязи.

Грязь — стихия, она пронизала собою все: стены домов, стекла окон, одежды людей, поры их тела, мозги, желания, мысли...

В этих улицах — темные впадины, дыры, подобны загнившим ранам в камне стен. Когда, заглянув в них, увидишь грязные ступени лестниц, покрытые мусором, кажется, что там, внутри, все разложилось и гнило, как во чреве трупа.

А люди представляются червями... Высокая женщина с большими темными глазами стоит у двери; в руках у нее ребенок, ее кофта растегнута, бесцельно повисла ладонью кокетом, ее спина голая. Ребенок кричит, царапая пальцами вые, голое тело матери, тычет в него лицом. Умолкает думами, на минуту умолкает, вновь кричит с большой силой, бьет руками и ногами грязь матери. Она стоит, точно человека с рингой в руке. Стены льются мимо глаз, точно расплавленное, они текут грязным потоком навстречу, в быстром беге потока густо копошатся безмолвные люди.

Лысый череп тускло блеснул за стеклом, покрытым слоем пыли. Он однообразно качался над каким-то станком. Девушка, рыжеволосая и тонкая, сидит на окне и вяжет чулок, считая темными глазами потли. Утром воздуха ее качнуло внутри комнаты, — она не отвела глаз от работы, не поправила платья, развешенного ветром. Два мальчика, лет по пяти, строят на

что здесь — как все — огонь порошен. Он служит Золоту, для Золота и враждебно далек от людей... Как все — железо, камень, дерево — огонь тоже в заговоре против человека, ослепляет его, он зовет: — Иди сюда!

И вымывает: — Отдай твои деньги!

Люди идут на его зов, покупают ненужную им дрянь и смотрят на зрелища, оуплавающие их.

Кажется, что где-то в центре города вертится со слалоострастным визгом и укасающей быстротой большой ком Золота, он распыляется по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, ищут, хватают их. Но вот наступает вечер, ком Золота начинает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и втягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золото, пыль, пойманную днем. Они отдают всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня ком Золота увеличивается в объеме, его вращение становится быстрее, громче звучит торжествующий вой железа, его раба, грохот всех сил, порожденных им.

И жалное, с большей властью, чем вчера, оно соест кровь и мозг людей для того, чтобы к вечеру эта кровь, этот мозг обратился в холодный, желтый металл. Ком Золота — сердце города. В его бинии — вся жизнь, в росте его объема — весь смысл ее.

Для этого люди пелыми днями роют землю, коуют железо, строят дома, дышат дымом фабрик, высасывают помы тела грязь отравленного, больного воздуха, для этого они пролат свое красивое тело.

Это скверное волшебство усыпляет их души, оно делает людей гибкими орудиями в руке Желтого Дьявола, рудой, из которой он неустанно плавит Золото, свою плоть и кровь.

Из пустыни океана плет ночь и дышит на город прохладным, соевым дыханием. Тысячами стрел вонзаются в нее холодные огни — она идет, сопротивляясь окутываемая темными одеждками безобразия домов, мерзость узких улиц, прикрывающая грязь дождовых нищеты. Дилый вольг жадного безумия несет ее навстречу, разрывая ее тишину — она идет и медленно гасит нахальный блеск порожденного огня, закрывая своей мягкой рукой тлелые лавы города.

Но, вступая в сети улиц, она не в силах победить, разогнать, своим свежим дыханием изгонять испарения города. Она трется о камень стен, нагретый солнцем, ползет по жаравому железу крыш, по грязи мостовых, сопротивляется изводящей пылью, глотает запахи и, опуская крылья, бессильно, неподвижно ложится на крыши домов, в канавы улиц. От нее осталась только тьма, — свежесть и прохлада только тьма, прохладные камни, железом, деревом, грязными легкими людей. В ней больше нет тишины, нет поэзии...

Город засыпает в духоте, он ворчит, как огромное животное. Оно спит много пожелало за день разнородной пищи, ему жарко, тяжело и снится дурные, тяжелые сны.

Вдруг, угасает огонь, отлучив свою жалкую службу провокатора, лаяет рекламой. Дома высасывают людей, одного за другим, в свои каминные внутренности.

Удой, высокий и сутулый человек стоит на углу улицы и скучно, бесшумными глазами смотрит на право и налево, медленно повертывая голову. Куда идти? Все улицы одинаковы, и все дома смотрят друг на друга большими тусклыми окон одинаково безразлично и мертво...

Душная тоска лавит горою теплой рукой, стесняя дыхание. Над крышами домов неподвижно стоит прозрачное облако дневных испарений, дрожащее, несчастное города. Сквозь эту плену в неослабном высоте небес тускло мерцают тихие звезды.

Человек сжал плечу, поднял голову, смотрит вверх. Высота домов в этом городе оттолкнула небо далеко от земли, чем где-либо. Звезды — мелкие, одинокие...

Вали тревожно звучит медная труба. Длинное коги человека странно не разглагольствует, и он идет в одну из улиц, шагая медленно, наклонив голову и размахивая руками. Уже поздно, улицы становятся все более пустынными. Одинокие маленькие люди исчезают, точно мухи, пропадая во тьме. На ухах неподвижно стоят полицейские, в серых плащах, с палками в руках. Они жуют табак, медленно двинув челюстями.

Человек идет мимо них, мимо телефонных столбов и множества черных дверей в стенах домов, — черных дверей, сонно разинувших квадратные пасти. Где-то далеко гремит и вост вагон трамвая. Ночь задохнулась в глубоких клетках улиц, ночь умерла.

Человек идет, размеренно передевая ноги, и качает своей длинной, согнутой корпус. В его фигуре есть что-то думное и, хотя нерешительное, но — решающее...

Мне кажется, он — вор. Приятно видеть человека, который чувствует себя живым в черных сетях города.

Раскрытые окна дышат толпым запахом человеческого тела. Непонятные, глухие звуки дремлют возятся в душевной тоскливой тьме... Уснул и сонно бредит мрачный город Желтого Дьявола.

Ниже публикуется статья А. М. ГОРЬКОГО, написанная в 1931 году. Впервые статья была напечатана в газете «Правда» 2 апреля 1948 года к 81-й годовщине со дня рождения великого писателя.

Поэма в прозе

Капиталисты С. Ш. С. Америка славятся в Европе своим умением хозяйствовать; у себя дома американские капиталисты гордятся и хвастаются этим умением.

Чикаго — после Нью-Йорка — второй город штатов по богатству и по количеству жителей; в то же время Чикаго — самый оригинальный из всех городов мира. Оригинальность Чикаго в том, что население его одновременно и с поразительным успехом грабят не только банкиры — как везде — но и бандиты, организованные как нигде.

По существу дела банкир — разнится от бандита только тем, что бандитизм считается деянием уголовно наказуемым и преследуется законом, а банкизм не только пользуется покровительством закона, но банкиры сами законодательствуют, т. е. создают законы, облегчающие труды банкирства по ограблению населения.

В течение нескольких лет город Чикаго фактически находился во власти бандитских организаций, которые делали все, что хотели, все, к чему обязывала их профессия, применяя в работе своей революеры и пулеметы лучших систем, поному расстреливая друг друга, а особенно охотно — граждан Чикаго.

Но в прошлом году американизированный чех, Антон Чермак, павший мэр Чикаго, заявил, что он истребит бандитов, т. е. людей, способных грабить и убивать поному. Он действительно поселился в тюрьму Аль-Капоно — главаря одной из бандитских организаций, и этот герой, прославленный журналистами всех стран, человек, которому приписываются 22 убийства, устраивает в тюрьме роскошные банкеты для заключенных.

Здесь можно вспомнить о губернаторе Фуллере, об убитых им Сакко и Ванцетти, таких невинно осужденных мальчиках неграх, и еще о многом, но — это, пожалуй, вне границ темы. Тема — американские хозяева.

На днях в Чикаго состоялось законодательное собрание штата, но банкиры и промышленники закрили его, не успев рассмотреть ни одного финансового законопроекта. Этим актом они оставили Чикаго без денег и вынудили Чермака опубликовать такое воззвание:

«БОЖЕ, СПАСИ ЧИКАГО!»

Я буду вынужден закрыть все городские учреждения. Я предприму учиниюному отделе закрыть все городские школы. Я закрою водопровод, канализацию и все городские службы. Без денег мы не можем существовать. Выход из положения нет, и я вынужден объявить общий расчет всем городским рабочим и служащим. Пусть все политические деятели провалятся и преисподнюю. Будь они прокляты. Они боялись принять какое либо решение, они не хотят брать на себя никакой ответственности потому, что приближаются выборы и они не хотят рисковать своими карьерами. Я не мог выставить себя и моих помощников в роли идиотов. Какой нам смысл числить в ведомостях чиновников, которым мы не можем заплатить? Списки служащих проче выбросить в мусорную яму. Многие умрут голодной смертью. Они будут жертвами эгоистичных интересов проклятых политиков!

Из этого происшествия мы видим, как анархические хозяйствуют капиталисты и на какие анархические административные меры вынуждают они своих приказчиков. Вонь главы города Чикаго так хороша, что его следовало бы передождать в стихи, но у нас так много пишется плохих стихов, что я предпечю прозу.

Новое пополнение и публикации архива А. М. Горького

В архив А. М. Горького переданы недавно Е. П. Пешковой 300 писем А. М. Горького, относящихся к 1895—1906 годам. Письма эти представляют исключительный интерес. Они отражают отношение великого писателя к крупнейшим событиям литературной и общественной жизни того периода. Отдельные письма связаны с работой А. М. Горького над повестью «Фом Гордеев», пьесой «На дне» и другими произведениями. Ряд писем написан А. М. Горьким под непосредственным впечатлением событий 9 января 1905 года.

В настоящее время в архиве сосредоточено свыше 84 тысяч различных документов, связанных с жизнью и творчеством писателя. Среди них имеется 2.400 рукописей художественных произведений и литературно-критических статей А. М. Горького, более 8.000 его писем к разным лицам, коллективом и учреждениям, 40.000 писем корреспондентов А. М. Горького, 950 рукописей различных авторов с пометками или правкой А. М. Горького и другие материалы.

В течение 1930—1931 гг. архивом были дополнительно получены материалы от частных лиц, а также от публичной библиотеки имени

(ТАСС).

Материалы о пребывании М. Горького в Риге

К 15-летию со дня смерти А. М. Горького Музей революции и Литературный музей Латвийской ССР собрали интересные материалы, относящиеся к пребыванию великого русского писателя в Риге в начале 1905 года.

Приезд сюда А. М. Горького вызвал панику среди чинов полиции. Начальник латвийского жандармского управления 21 февраля 1905 года писал рижскому полицмейстеру: «Пропу сообщить мне, прибыл ли в г. Ригу сын нижегородского цехового Алексея Максимовича Пешкова, в удостоверение служаю установить за ним негласное наблюдение...». На другой день 22 февраля, полицмейстер донос начальнику жандармского управления, что «...означенный Пешков выехал на рижское взморье».

Встреча с героем горьковского произведения

АНЖЕРО-СУДЖЕНС, 16. (ТАСС). Утопающий в зелени небольшой доми на восточной окраине города. Здесь живет Андрей Степанович Деренков, которого миллионы советских людей знают по замечательному горьковскому произведению «Мои университеты».

Сегодня в юмие А. С. Деренков собрался учащиеся Анжеро-Судженского горного техникума, сту-

На рижском взморье Горький жил на даче по проспекту Дамитра, 39. Эта дача сохранилась до наших дней. Здесь сейчас помещается один из домов отдыха. В одной из частных коллекций найден редкий снимок: Алексей Максимович на веранде этой дачи.

Огромный интерес представляют хранящиеся в Литературном музее первоиздания произведений А. М. Горького в латвийских переводах. Имеется несколько рукописных переводов пьес А. М. Горького с пометками парекор цеховых. Первая постановка пьесы «Мещане» на латвийской сцене была разрешена цензурой в 1904 году. Одну из ролей в этой пьесе исполняла старшая латвийская артистка Берта Руминие — ныне народная артистка республики.

Молодежь и пожилые горняки внимательно слушали рассказ Андрея Степановича о великом русском писателе.